

СКАЗАНИЯ О ТРАВЕ И ГРИБАХ

Часть 2

18+

Откуда опята растут?

Тёплый осенний дождь с обольстительным шелестом оросил остро пахнущую перину из опавшей листвы. Она разбухла, томно выгнулась дугой, раскрылась... и на белый свет выглянули влажные головки молодых грибков.

— Опаньки! — восторженно произнёс опёнок, отряхивая с шляпки лесную труху. — Красотища-то какая! А это что за чучело?

Дремучий, с космами седого лишайника пень недовольно приоткрыл правый глаз (левый давно уже зарос окаменевшим трутовиком).

— Опять шпана попёрла, — проскрипел он. — В двухсотый раз объясняю — я дуб вековой, древо мудрости.

— Ни чо се! Вправду про всё знаешь? Расскажи-ка, откуда мы появились?

— Из грибницы, вестимо. Ты, малолетка, под ноги себе посмотри и узришь нити белые, скрепные.

— А грибница как получилась?

— Из споры выросла.

— Ну а споры-то откуда взялись?

— Ишь, любопытные! Ещё покрывальце на ножке не порвалось, а у них уже одни споры на уме! Тебе же 18 часов не исполнилось, юнец!

— А у меня уже порвалось, — с ухмылкой молвил самый старший, подросший за время разговора на полвершка, опёнок. — Пластинки показать?

— Тьфу ты, охальник! Сказано тебе — рано еще о спорах думать. И не спорь!

— Ладно, трухлявый! Объясни тогда, почему вон тот заяц волку в зубы заехал и ежей пинает?

— Ясное дело, трин-травы переел.

— И что за отравы в этой траве содержится?

— Ну, научно выражаясь, в ней много тринэтанолы и травозверина. От них у длинноухого слабоумие и отвага появляются. Причём в равной мере. Недолго ещё этому зайцу почву топтать. Да и вы, однодневки, скоро в неё ляжете. Не будете досаждать древним мудрецам...

Пень смежил веки, абстрагируясь от непотребств, которые творились в зоне его личного пространства. Внутри него неумолимо разрастались гифы грибницы опёнка осеннего (*Armillaria mellea*)...

Федор Wuurzag

Сага-сказка о грибах

Однажды рыжей осенью случилось Бледной Поганке одной по лесу гулять. Была она заядлым гербаристом, вот свою коллекцию и пополняла. Повстречала поганка мухомора по кличке Краплёный, да на беду поганки страдал мухомор в то самое время от сильнейшего осеннего обострения, и потому-то был он совершенно бешеным. С криками: «Мицелий тебе в печень!» — укусил Краплёный бедную Бледную прямо за пятку и был таков. Вернулась домой поганка ни жива ни мертва, даже весь свой гербарий по дороге растеряла. Смотрят на неё друзья: Безумная Шляпка, Окрыляющий Гриб и Плесневой Гриб и волнуются. Сама-то поганка молчит, только выглядит бледнее прежнего. Первой не выдержала Безумная Шляпка:

— Дивлюся на тебе подруга і бачу, що ніби ти марінована, а не жива. Скажи, що з тобою сталося?

— Укусил меня брат мой, Бешеный Мухомор, прямо за пятку. Вот и выходит, что я вроде и жива, а вроде уже и нет. На третий день начну кидаться на всех, а на пятый так и вовсе высохну и в труху рассыплюсь.

— А ты что, от мухоморового бешенства не привитая? — удивлённо спросил Плесневой Гриб.

— Я антипрививочница, — гордо своим вялым голосом заявила поганка.

— Дура ти ергостеролова, ось що я скажу! — выругалась в сердцах на подругу Безумная Шляпка.

— О, свят Дарвин, за что?! — заломив руки, сразу запричитал Окрыляющий Гриб. А причитал он, надо сказать, почти по любому поводу, ведь, будучи актёром, представлял собой организм крайне высокой душевной организации.

— Погодь нить, ещё не всё потеряно, — одёрнул друга Плесневой Гриб. — И ты, Бледная, не спеши помирать: сейчас мы к Грибу Прозрения сходим да разузнаем, как твоей беде помочь, как хворь твою выгнать!

— Ох, — вздохнула поганка и легла на постель. — Ступайте, а я вас здесь подожду, — сказала она своим блеклым от страданий голосом.

Пришли друзья в юрту к грибу-прорицателю, а он там со скрещёнными ногами сидит, весь в сизом дыму окутанный, мате из калебаса хлещет.

— Гамарджоба генацвале! Всё вэдаю, зачем к мудрому старику пришли. Пэрэдет паравоз конэй, — начал, как обычно, нести околесицу старец своим хриплым гипнотическим голосом. — Четыре — два счёт будет, мамой клянусь! Ставьте на Локомотив, не пожалеете, главное, старику на мате потом пятнадцать процентов занести нэ забудьте.

— Да не за прогнозами на футбол мы пришли, мудрый! Беда у нас: Бешеный Мухомор Бледную Поганку укусил, хотим узнать, как её от

смерти спасти.

— Вах! Служай, я и это вздал, просто сказать нэ успел, — небрежно махнув рукой, сказал прорицатель и отхлебнул мате. — Приготовьтесь к обряду прорицания и внимайте.

Все грибы сразу же похватили бокалы для красного вина, а Гриб Прозрения, отложив калebas, крепко сжал в руке огромный рог. После того, как сосуды были до краёв наполнены вином, началось магическое таинство прорицания.

— Далеко-далеко раскинулся один очень красивый сад. В нем растёт прекрасная яблоня, на которой зреют красные, наливные молодильные яблочки. Но они нам не нужны! Мы же не молодуху из старухи сделать хотим.

Глубоко вздохнув, гриб-прорицатель продолжил:

— В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве течёт ручей живой воды, свежей, как горный воздух, холодной, как лёд. Но и она нам не нужна, не будем же мы ждать, пока поганка окачурится, и потом в зомби её превращать! Однако, — сказал гриб и поднял высоко вверх указательный палец свободной руки, — высоко-высоко в горах, куда не может долететь ни один орёл, живет весёлый, как смех ребёнка, и чистый, как майское небо, цветок с нелепым именем Очистительная Трава. Вот он нам и нужен. Но путь к нему знает только его брат Страстоцвет, что живёт на прекрасном, как морской рассвет, дереве в низине этой большой-пребольшой горы. Этот Страстоцвет такой гордый, как ветер, и потому любит, чтобы называли его Пассифлора. Запомните это сложное имя и не забывайте. А теперь идите, — сказал старец и махнул рогом к пологу юрты, но внимательно посмотрев на рог, продолжил. — Хотя нет, не идите, мы не завершили ритуал!

И тогда, высоко подняв бокалы, все грибы воскликнули, прославляя своих богов:

— *Gloria scientiam!*

И залпом осушили сосуды.

— Неблизок путь до высокой-высокой горы, — вслух рассуждал Плесневой Гриб, — можем и до вечера не успеть, придётся затемно идти или на ночлег где схорониться.

— Агрыбб дырр насрррр, никуда вам идти и не придётся, — раздалось вдруг из ближайших зарослей папоротника то ли карканье, то ли рычание.

Оттуда немедля выскочил Бешеный Мухомор. Вид у него был изрядно потрёпанный: ножка окривела, шляпка пожелтела и обвисла, глаза безумные на друзей выпучены. Зубы жёлтые, кривые, длиннющие во все стороны торчат, а изо рта слюна течёт, хуже, чем у сенбернара под знойным солнышком.

— Я вас сча всех порешу, падлы! — прохрипел взбесившийся гриб и

начал двигаться к друзьям.

— Злякав їжачка голим задом, — возмущенным тоном сказала Безумная Шляпка и, отступив за спину Плесневому Грибу, шепнула, — покарай засранца, нехай відповість за поганочку.

Плесневого упрашивать было не нужно, он уже успел где-то отломить длиннющую хворостину. Взмахнув ею по направлению к надвигающемуся безумцу, Плесневой Гриб зычно прокричал:

— Экспеллиармус!

Но ничего не произошло.

— Аха-ха-ха!!! Дурья башка, я же не живность какая, я гриб! На меня твой ахалай-махалай не работает, — трясясь всем телом то ли от смеха, то ли от безумия, кричал мухомор.

— Так я и не на тебя колдовал, — спокойным тоном ответил Плесневой Гриб и слегка ухмыльнулся.

Тут откуда-то сверху донёлся страшный шум и треск. И все четыре гриба взметнули головы вверх. Из-под мощных ветвей секвойи, круша всё на своем пути, к земле приближалось что-то большое.

— Ой, птичка сдохла! — воскликнул Окрыляющий Гриб и в нервном волнении прикрыл лицо руками.

И как раз вовремя, потому что прямо на Бешеного Мухомора с кучей веток и листьев рухнул дохлый Хацегоптерикс.

— Не вмер Гаврило, галушкой вдавило, — с сарказмом сказала Безумная Шляпка, и друзья, обойдя околевшую птерозавринку, пошли дальше.

Через некоторое время грибы наткнулись на Улыбнись-Траву, которая о чём-то грустила, сидя у костра перед своим вигвамом. Видок у травы был запущенный: на голове колтуны давным-давно нечёсанных волос, больше напоминавшие не причёску, а свалывшуюся у козла под хвостом шерсть; футболка с Бобом Марли и штаны цвета хаки уже давно забыли, что такое стирка. Да и вообще от Улыбнись-Травы пахивало бомжиками. На печальном и немного глуповатом из-за странной улыбки лице выделялись полуприкрытые и сильно покрасневшие, наверное от усталости и недосыпания, глаза. В руке у Улыбнись-Травы дымилась внушительных размеров самокрутка.

— Хао, почтенный Улыбнись! — подняв ладони вверх, приветствовали его друзья.

— Хао, кхе-кхе-кхе, — закашлявшись после затыжки, вяло ответил им хозяин вигвама.

— Ти чого такой сумний, немов просратися вже тиждень не можеш? — участливо поинтересовалась Безумная Шляпка.

— Да какой там запор, Шляпка, от него у меня травка заветная есть. Хуже на меня невзгода напала, повадилса ко мне бешеный гриб-мухомор. Что ни день — приходит и угрожает укусить, недугом своим зара-

зять, если я ему своих релаксантов безрецептурно не отсыплю. Этот гад мало того, что все запасы мои извёл, так еще и ФСКН наше лесное на меня косо поглядывает, как бы не загребли.

— Порожня твоя печаль, хлопец. Ми цього буйного прихлопнули, як муху ганчіркою.

Услышав такую новость, расцвёл Улыбнись пуще пиона. Вскочил, давай друзей обнимать, целовать, за костёр усаживать, сигарками своими потчевать.

Друзья кланяются, отказываются, говорят, дел много, некогда им, один Окрыляющий Гриб к папиросе присосался — дурь интеллигентская.

— А что за заботы у вас такие и куда путь держите? — непритворно, со всем участием начал интересоваться Улыбнись. Рассказали ему грибы что да как, куда путь держат да зачем им это надо.

— Найти Страстоцвет дело несложное, а вот выведать, где сейчас его сестра и по совместительству партийный товарищ прячется, уж совсем нелегко будет, — задумчиво заметил хозяин вигвама. — Она ведь в высокогорное подполье ушла, когда её с листовками чуть не поймали.

Сказал это Улыбнись и видит, что таращатся на него грибы, как Орнитодирь на Млекопитающих. Понял он тогда, что провинциалы эти ничего не знают и совершенно не понимают, о чём он вообще говорит. Ну и пришлось ему тогда всё объяснить.

— Эти двое: Страстоцвет и Очистительная Трава ведь великое дело задумали! — подняв унизанный кольцами палец вверх, многозначительно сказал Улыбнись. — Борьбу с птицетазовыми и ящеротазовыми империалистами, нещадно нас всех эксплуатирующими!

Тут он хитро прищурил глаза и, дабы грибные товарищи полностью осознали серьёзность происходящего, сделал долгую драматическую паузу. Этому трюку он научился у своего приятеля Церрефилла, что по природе своей был мхом, и потому Улыбнись называл такую паузу мхатовской. Оценив действие сказанного на слушателей, Улыбнись продолжил:

— В этом нелёгком деле есть у них множество сторонников, в большинстве среди голосеменного крестьянства, но не меньше у них и противников. Особенно среди грибов, которые по натуре своей мелкобуржуазные оппортунисты. И потому, как вы сами понимаете, у Страстоцвета к вам доверия будет не очень много, если не сказать, что не будет вовсе! Впрочем, раз вы мне помогли, помогу и я вам. Тем более, что ребята вы вроде надёжные, да и на буржуазных оппортунистов похожи не слишком. Поручусь за вас, научу, что и как говорить. Да для верности, что вы точно от меня, передам Страстоцвету своего курительного зелья, оно его на размышления хорошо стимулирует. Вот тогда, глядишь, он вам доверится, и вы узнаете, где сестра его прячется, чтобы лекарство

для подружки своей добыть.

После того как Улыбнись-Трава всё друзьям рассказал, показал и гостинец с собой дал, они немедля отправились в путь. И вначале всё было неплохо, только Окрыляющий Гриб постоянно глупо смеялся над всем, что увидит и услышит. Смехом дело не ограничилось.

Следуя в указанном Улыбнись направлении, друзья оказались в зарослях густого мясистого папоротника, один из кустов которого с аппетитом пожирали три сестры Артроплевры. Они покосились на грибы, уже собираясь переключиться с аперитива на более плотное и калорийное блюдо, но, увидев среди товарищей Плесневого Гриба, мгновенно передумали. Потому как весь лес знал о его магических и других талантах устранять любых агрессоров.

В этот самый миг, когда жрущие насекомые отвернулись от друзей, где-то недалеко в лесу хрустнула сухая ветка.

— Ахтунг ди дойчен золдатен!!! — завопил вдруг Окрыляющий Гриб и, кинувшись в сторону, попытался спрятаться под куском сухой коры.

— Что происходит?! — растерянно озираясь по сторонам, спросил у лежавшего под корой друга Плесневой Гриб.

— Вы что, не слышите?! — глядя на приятелей безумными глазами, прошипел гриб. — Это же микологи идут, на опытные образцы нас разделать хотят.

— Куди ти сховався, укуриш? Це просто гілка хрустнула, — ласково, словно с испуганным ребёнком, заговорила Безумная Шляпка.

— До микологов еще миллионы лет, — со вздохом сказал Плесневой Гриб и, нагнувшись, вытащил дрожащего от страха приятеля из укрытия.

За всем этим действием наблюдали и потешались сёстры-насекомые, даже переставшие жевать папоротник.

Друзья продолжили свой путь, но не успели пройти и двадцати шагов, как в лесу опять что-то лопнуло и Окрыляющий Гриб с криками: «Братва, грибники идут! Сейчас нас резать будут!» — куда-то было рванулся, но его тут же жёстким толчком сбил с ноги Плесневой Гриб. Обиженный на столь негуманное обращение Окрыляющий Гриб в качестве протеста сел на землю и обиженно надул губы. Но продлилось это недолго, уже через минуту он начал ныть, что жутко хочет есть и если ему не дадут еды, то он просто умрёт от голода. Артроплевры, уже давно забывшие о еде, только смеялись, глядя на всё это. А двое вменяемых грибов не знали, что делать с третьим — бросить его здесь или тащить волоком, потому что задерживаться им было никак нельзя. А Окрыляющий Гриб тем временем уже перестал просто ныть и начал заунывным голосом читать стихи:

— И что я не сокол, и что не летаю?

Взлетел и поел бы, а так вот страдаю!

— А и правда, чем я не Энанциорнис, — вскочив, завопил вдруг обкуранный травкой гриб. — Полечу, вон на тех букашек поохочусь!

Гриб указал пальцем на опешивших сестёр. Потом, расправив свои прекрасные мицелиевые крылья, взмыл в лазоревое небо. Ну как взмыл — попытался. Увесистый камень, брошенный меткой рукой Безумной Шляпки, подкосил гриб, как Шилка Юнкерс. Рухнувший наземь гриб начал тут же постанывать и похныкивать. От всей этой картины сестрички Артроплевры теперь просто покатались от неудержимого хохота, а подошедшая к несостоявшемуся и до сих пор стонущему хищнику Шляпка грустно заметила:

— Якби не мій дурень, то і я б сміявся.

Уже через пять минут трое друзей вновь шли к своей цели, а внезапно оклемавшийся после делирия гриб шёл впереди всех.

Когда друзья подошли к заветному дереву, на котором жил Страстоцвет, уже начинало смеркаться. Взобравшись же на дерево и оказавшись внутри его кроны, грибы и вовсе попали в царство кромешной тьмы и не могли уже различить даже ближних веток. Тут-то они и услышали у себя за спиной строгий, таящий в себе сильную угрозу, голос:

— В недобрый для себя час вы сюда пожаловали, шпионы.

— Не шпионы мы, мы по личному вопросу к товарищу Пассифлоре, — так же строго ответил в темноту Плесневой Гриб.

— Для кого-то я товарищ, а кого и в супе сварить! — услышали друзья совершенно недружелюбный ответ, произнесённый совершенно недружелюбным голосом.

— Не шпионы мы, товарищ Кавалерийская Звезда!

«Кавалерийская Звезда» — это была тайная партийная кличка Пассифлоры, которую им по секрету открыл Улыбнись.

— И не смотрите, что мы грибы, мы на вашей стороне! — заискивающе проголосил Окрыляющий Гриб.

— Тебе-то, курва интеллигентская, я меньше всего и доверяю! — крикнул им из темноты цветок, и тут Окрыляющий Гриб почувствовал, как в спину ему упёрлось холодное дуло нагана.

— Ой! — только и смог пискнуть ошарашенный гриб.

— Ты верно заметил, товарищ Пассифлора, — всё таким же невозмутимым голосом вступился за приятеля Плесневой Гриб, — что друг наш принадлежит к культурной прослойке общества, он художник и артист. Но не смотри на его внешнее малодушие, оно только кажущееся, внутри же он как кремень.

— Прослойка общества, говоришь. В том, что он кизяк бронтозавра, из которого потом отличный гумус получится, я и не сомневаюсь, — раздался пренебрежительный голос Пассифлоры.

А в том, что это был сам Пассифлора, *in propria persona*, сомнений уже ни у кого не было.

— Залиште, хлопчики, чубами стукатися. Ми сюди не лягати при-йшли, а ти, Страстоцвіт, як собака сусідська гав та гав на нас. А ми, тим часом, мухомора вбили, і від Улибнісь-Трави тобі подарунок притягли. І пороль тобі скажемо, якщо треба.

— Растения и грибы всех наций против власти корпораций! — со всей убежденностью, словно это последнее, что он хотел сказать миру перед смертью, выкрикнул Окрыляющий Гриб.

— Подруга любя, та чого ти раніше мовчала? З цього і начинать треба було! — вдруг радісно воскликнул Пассифлора. Он возник из темноты позади Окрыляющего Гриба, бросился к Безумной Шляпке и крепко стиснул её в объятьях, впрочем, все ещё держа свой наган в руке.

— Значит пришли вы этого гада, Бешеного Мухомора? И как вам это удалось? — с неподдельным удивлением спросил цветок и, убрав наган в кобуру, три раза хлопнул в ладоши. Вокруг начали вспыхивать жуки-светляки, осветив не только собравшихся, но и всю крону дерева.

— Так що там говорити, — начала Безумная Шляпка, прищурившись от внезапного света, — він, розумник, — и тут шляпка пальцем ткнула в Плесневого Гриба, — кадабру на курку наколдовал, та здохла і на ідіалогіческого нашого ворога — шмяк! Так під своєю тушкою його і поховала.

— Ну, товарищи, и благу же вы мне весть принесли, — сказал цветок и крепко пожал руку каждому из грибов. — Хорошее дело сделали, а потому говорите, что у вас ко мне. Всё, что смогу — исполню.

И рассказали Пассифлоре тогда грибы о том, что, да к чему.

— Да, дело скудное, но мы вам поможем. Завтра поутру выделю вам парочку моих телохранителей. Они вас тайными тропами проведут до одного ручейка, а от него вам до сестры рукой подать.

— Телохранителей, — удивленно озираясь по сторонам, но никого не замечая, сказал Окрыляющий Гриб.

— Конечно! Из моего особого элитного диверсионного отряда *Pseudopulex Jurassicus*. Не думали же вы, что я с вами с глазу на глаз общался?! — сказал товарищ Пассифлора и подмигнул друзьям. — Ладно байки травить, уже спать пора, а завтра, как рассветёт, в путь отправитесь, чтобы к своей Поганочке успеть.

С утра спящих друзей разбудили две бравые блохи в красивых кожаных плащах и проводили их к уже бодрому, давно проснувшемуся товарищу Пассифлоре. Тот, пожав каждому руку и крепко обняв, пожелал им удачи и попрощался. Но как только друзья начали восхождение, сразу их окликнул:

— Товарищи грибы, вы мне подарок от товарища Улибнісь-Травы так и не передали.

— Ох вибачте, зовсім пам'ять червива стала, — хлопнув себя по лбу, сказала Безумная Шляпка и достала из сумочки большой свёрнутый

из газеты кулёк. — Тільки ви з тютюном цим обережніше, наш актор від нього вчора зовсім ошалел.

— Не бойся, подружка, эта травка ведь для ума нужна, а когда ума нет, то тогда чудить и начинают, — сказал улыбающийся Страстоцвет, бережно принимая подарок.

Окрыляющий Гриб на эти слова обиделся, но по его виду никто об этом не догадался. А всё потому, что он был очень хорошим актёром.

Друзья продолжили свой путь, а Страстоцвет улёгся на любимый гамак и, пребывая в глубокой задумчивости, закурил подарок Улыбнись. После достал листочек с ручкой и давай в нём что-то чёркать и выписывать. Да не абы что это было, а в высшей степени философские тезисы. И в столь глубокой творческой задумчивости пробыл цветок Пассифлора с золотой осени до самого апреля, когда, наконец, все тезисы были полностью логически выверены и всецело сформулированы. Название у них с тех пор так и осталось — «Апрельские»! Но это было много после, а пока наши друзья поднимались вверх в гору.

Через несколько часов оказались грибы возле небольшого ручейка, что тёк у основания горной полянки. Тут блохи им и откланялись, сказав, что надолго им товарища Пассифлору оставлять нельзя. И указали на другой конец поляны. «Там сестру командира и найдёте, ну или она вас», — после раздумий прибавила одна из блох и обе исчезли в ближайших зарослях.

Друзья спокойно подходили к дальнему краю поляны, когда из-за стволов впереди растущих сосен прозвучали оружейные выстрелы. Грибы тут же попадали на землю, прячась за порослями трав.

— Подруга, не стреляй, а то ж і вбити недовго! — закричала из травы перепуганная Шляпка.

— «Интернационал» и винтовка Мосина мои подружки, а не грибные мелкобуржуазные элементы! — криком на крик ответила Очистительная Трава и снова выстрелила.

— Товарищ Очистительная Трава, мы свои, пришли к вам по сверхважному личному делу и с разрешения вашего брата, — громко и чётко сказал Плесневой Гриб. — Мы и пароль, и вашу партийную кличку знаем, и бумага от вашего брата есть, — продолжил диалог Плесневой Гриб, маша над головой белым листком, что дал ему Пассифлора ещё вчера перед сном.

Очистительная Трава, или среди товарищей просто Солодка, выслушала пароль, а потом подошла и под прицелом винтовки забрала и прочитала записку брата, где только и значилось: «Это свои, о чём попросят — помощи». Только после этого винтовка, наконец, стала на предохранитель. Грибы быстро, но подробно рассказали и о своей проблеме, и о своих приключениях, после чего суровая, как вековые льды, Солодка без лишних слов попросила её подождать и ушла в лес.

Ушла она с винтовкой, а вернулась с баночкой для анализов, наполненной искристо-янтарной жидкостью. Грибы, увидев эту баночку, застыли в полном ступоре.

— Чего застыли, как мамонты в ледниках, а вы что думали от меня получить?

— Ну кровь там, слюну-у-у, не знаю даже, не думал, — промямлил обычно невозмутимый Плесневой Гриб.

— Это где же вы про такую методику лечения слышали, слюной или кровью? — негодуяще спросила Солодка.

— Так це що, вона нам свої саки дала? Саколеніє виходить? — вытаращив глаза, вопрошала у друзей Шляпка.

— Уринотерапия это! Передовая метода лечения! — подняв палец вверх, деловито заметила хозяйка лечебного снадобья.

— Херня это и мракобесие, — тихо пробубнил себе под нос Плесневой Гриб, но баночку всё же взял, правда предварительно завернув её в листок подорожника.

— Кто мы такие, чтобы спорить с мудрым Грибом Прозрения? — закатив глаза к небу, философски заметил Окрыляющий Гриб.

— Триндять закінчуй, хапай диво-саки і поспішай до села. Поганочке допомагати треба, а то ось-ось збіситься.

Друзья поблагодарили товарища Солодку за лекарство и, узнав у неё, где ближайший крутой горный склон, двинулись к нему. Там они отдали баночку драгоценной жидкости Окрыляющему Грибу. Он отважно прыгнул со склона и, в падении расправив крылья, понёсся навстречу солнечным лучам, паря и пикируя в направлении родной деревни. И вот уже через несколько часов ожидавшая своего бесславного конца Бледная Поганка, закоренелая антипрививочница и сторонница запрета ГМО, занялась уринотерапией.

Послесловие.

Когда через два дня Безумная Шляпка и Плесневой Гриб вернулись домой, их встречал преисполненный гордости за самого себя Окрыляющий Гриб и совершенно живая и не бешеная Бледная Поганка. К слову сказать, уже успевшая сбегать в процедурный кабинет и сделать прививки не только от мухоморового бешенства, но даже от дифтерии и столбняка.

Друзья сели за стол и пили чай с рогаликами и пирогами. Впереди их ждали ещё многие приключения: грабежи на драккарах, спасение цивилизаций и прочее другое, но это уже совсем иные истории. А этой сказке конец, и кто слушал — герой просто, потому что как такую ахиною читать можно, вообще непонятно.

Сергей Дашкевич

Страстоцвет

...пантера понюхала утренний воздух, опрокинулась на спину и стала бить передними лапами, стараясь схватить качающийся листок.

*— Год поворачивается, — сказала Багира.
— Джунгли всколыхнулись. Приближается время новых песен. Этот лист знает, что происходит. Хорошо!*

Редьярд Киплинг «Книга джунглей»

На излёте года потускневшие джунгли лениво колыхались, словно старая серая шкура. Опавшие клочья коры и сухие листья придавали воздуху лёгкий привкус плесени. Над вялой травой беззвучно дёргались мелкие мошки.

Вдруг резкий крик красного дятла Ферао разорвал гнетущую тишину и, отразившись от крутого горного склона, окатил окрестности переливчатым эхом. Шакал Табаки встрепенулся, вскочил на лапы, повёл тонким носом. Да, ошибки быть не может — внезапный порыв ветра донёс до его чутких ноздрей еле уловимый мускусный аромат. Пыльца страстоцвета! Потянувшись своим отощавшим телом, шакал издал торжествующий визг. Весна пришла! В долине Игривой реки расцвела дивная лиана, упругими кольцами стиснувшая мощные стволы фикусов. Тугие бутоны развернулись в истекающие липким нектаром цветы. Острый запах пронзил как копьём всех обитателей первобытного леса. Повинуясь весеннему зову, звери, птицы и ползучие гады понеслись в долину, не замечая, что творится у них за спиной. На узкой тропе Табаки обогнал нелепо скачущего упитанного кролика. В его розовых глазах не было ни капли страха, только блаженная одержимость. «Мясо» — мелькнула в голове шакала хилая мысль, но тут же пропала, смытая новой волной аромата страстоцвета. Из логова Шерхана доносились утробные звуки. Сидящие на деревьях бандар-логи, перебивая друг друга, взахлёб рассказывали выдуманные подробности. Джунгли наполнились криками из тысячи глоток, которые сливались в весеннее мурлыканье счастливого мира...

— Я пришёл, Багира! — крикнул Маугли от входа, задёргивая полог. Пантера сладостно мявкнула прямо над ухом:

— Чем это от тебя пахнет, Лягушонок?

— Страстоцветом, любимая, съел для аромата, пока бежал к тебе.

Багира в ужасе отпрянула и попыталась скрыться, но было поздно. В тот день Маугли ни разу не промахнулся...

W@W

Кактус больше не колется!

Девочка Маша решила погладить большой зелёный кактус Опунция, который расслабленно стоял на подоконнике и считал галок, и укололась. Именно в такой последовательности, а не в обратной, всё и было, подтвердила кошка маме, когда та пришла вечером с работы.

— У тебя неправильные иглы... — сквозь слёзы шептала Маша. — Я так не играю.

И ушла к себе в комнату дальше играть с младшим братом в «Эволюцию». Там она хотя бы могла победить, не то что с этими проклятыми растениями, что просто так проживают в квартире, колются и не платят квартплаты.

Кошка подошла к Маше в коридоре.

— Тебе надо выучить ботанику, изучить флору, ты ведь уже ходишь в пятый класс. Ты очень плохо разбираешься в растениях и грибах, поэтому и колешься. Тебе надо подружиться с ними! У них очень разное воздействие — некоторые колются, некоторые обжигают, некоторые спасают жизнь, с другими можно умереть. Всё это надо хорошо знать, чтобы взаимодействовать с ними. Мы, животные, это хорошо знаем, а тебе надо учиться!

— Наверное, ты права, — сказала Маша, утерев слёзы рукавом футболки группы «Газон», в которой она ходила только по выходным дням. — Может, действительно, взяться за ум, и я тогда больше не уколуюсь так глупо...

Маша вошла в комнату к брату и сказала, извиняясь перед ним:

— Извини, я случайно укололась о кактус, у меня болит рука, давай доиграем завтра. Хорошо?

— А что ты будешь делать? — спросил младший братишка участливо, переживая за сестру.

— Читать учебник по ботанике, не хочу больше колоться, хочу знать всё о травах и грибах, о флоре.

— Я тоже не хочу больше колоться, считаешь вслух?

— Давай, подсаживайся.

Так они и сидели, втыкая в учебник до вечера, пока не пришла с работы мама, а кошка спала рядом с ними на ковре.

Василий Крузенштерн

Ванильный трюфель

Пошёл как-то раз пан Трюфель на рынок за жирным чернозёмом. И учуял там неземной аромат. Что за диво! Тут же подскочил продавец специй, пакетик протягивает, на нем портрет панночки бесподобной красоты — Ванилькой, говорит, кличут. Живёт далеко-далеко на юге, это она-то так волшебно пахнет. Брать будете?

Трюфель глянул в лужу — сам коренастый, пузо широкое, физиономия землистая, куда ему до такой писаной красавицы — вздохнул тяжело, плюнул в сердцах, да и пошёл прочь.

Но мысли о Ванильке прочно укоренились в его мицелии и, как ни пропалавай, никуда не исчезали. Помаялся неделю, другую, когда наконец, убедившись, что ничего не поделать, затеплил керосинку, разложил письменные принадлежности и, покряхтев для порядка, начал изливать на бумагу свои чувства, ёмко и образно передавать переполняющий его восторг и иносказательно, так, чтобы только она одна догадалась, рассказывать о мучающей его любви.

В это самое время где-то на другой стороне Земли благоухающая Ванилька читала «Кулинарную книгу для самых маленьких» — острозащитный триллер с натуралистичными картинками — и на одной из страниц увидела заметку про северного жителя по имени Трюфель. Скоренько скользнула взглядом по прилагающейся фотографии и хотела уже открыть следующую страницу, где как раз должна была начаться самая кровавая расчленёнка, но не смогла оторвать глаз. На неё смотрел добродушный мужичок с честным и открытым, хотя и немного приплюснутым, лицом. И такой деликатесный...

На следующий день по почте отправилась корреспонденция следующего содержания: «Обольстительный пан. Ваша таинственная и анонимная почитательница будет рада узнать, как ваши дела. Пишите в Тропики мадемуазель Ванильке».

Не успело письмо дойти до адресата, как перед ней уже оказался большой, с любовью подписанный конверт. В нетерпении разорвав его на мелкие кусочки, она схватила дрожащими руками белый лист и прочитала: «Сохну без тебя». «О боже, как это поэтично», — промурлыкала Ванилька и на месяц впала в нирвану.

Трюфель вешал на стену портрет возлюбленной, когда в дверь постучался почталъон, заранее недовольный, потому что каким-то невообразимым образом знал, что ему теперь часто придётся наведываться в этот дом.

И началась переписка!

«На знакомого напали свиньи и куда-то утащили. Пойду бить пятаки», — писал он.

«Хотела прикупить шарфик. Как думаешь, какого цвета выбрать?»

— отвечала она.

«Побил-таки. Знакомого сожрали, но и бекон вышел на славу», — в свою очередь, отвечал он.

«Вальпургинически!» — поддерживала разговор она.

Проходили месяцы и годы, и над Трюфелем начали посмеиваться. Дурит, мол, тебя эта вертихвостка. Не увидишь её ни в жизнь.

Трюфель отнекивался: куда ей ехать-то, замёрзнет же, к другим широтам привыкла. Но в душе скреблись кошки. Не раз пытался написать ей и пригласить погостить, но каждый раз тушевался и сводил разговор к ценам на рассаду.

И вот он решился, взял самый большой лист бумаги, что был в городе, и размашисто, от края до края, написал: «Приедешь?» Назавтра он уже сам подтрунивал над соседями, пока нёс драгоценное письмо на почту. Но оказалось, что самое тяжёлое время впереди: потянулись бесконечные дни, а ответа не приходило.

А злые языки не унимались: каждый раз, когда он отправлялся на почту, на улице поднимался хохот, люд тыкал в него пальцами и топал ногами. Трюфель внешне стойко сносил оскорбления, но внутри у него всё клокотало.

И вот однажды в дверь постучали. «Вам письмо!» Вне себя от счастья, Трюфель схватил помятый конверт, разорвал зубами и впился глазами в единственное слово посреди страницы: «Сюрприз!»

— А, что, где, какой сюрприз? — заозирался он, не в силах понять смысл написанного, как вдруг в нос ему дохнуло самым прекрасным запахом в мире. Почтальон скинул одежду и обернулся Ванилкой. Не прошло и мгновения, как они утонули в nirване и объятиях друг друга. И слились в нечто невероятное — ванильно-трюфелевый травогриб, чей вкус и аромат принёс не одну мишленовскую звезду повару, первым наткнувшемуся на так и не разомкнувшую объятия парочку.

Антон Greatwyvern

Очистительная трава

...он бежал, не чувствуя под лапами холодной земли, бежал, но не двигался с места, несмотря на ломящую кислотную боль в усталых мышцах, бежал, не осмеливаясь обернуться, зная, что если он взглянет в красные глаза преследователя, то сердчишко замрёт и взорвётся от ужаса, и он бежал, бежал, ощущая резкий запах хищника, и щетина на загривке зашевелилась, когда вдруг песок расступился под его весом, желудок подскочил к горлу, и он рухнул в туманную бездну, боковым зрением заметив ощеренную пасть с тягучей каплей слюны...

— Уфф! — судорожно хватая воздух, лемминг Марч вскочил и завертел головой, пытаясь стряхнуть остатки кошмара. Лапы мелко тряслись, шерсть слиплась от пота. Проклятая Сон-трава! насыщает хорошо, это факт, но последствия! Долгий мучительный сон, а утром — ватная пустота в черепе. А что делать — жрать ведь что-то надо. На Студёном Плоскогорье, зажато между ледником и крутым обрывом, настали не лучшие времена. Некогда зелёная равнина теперь напоминала вспаханное кладбище. Расплодившиеся лемминги уже истребили все съедобные злаки и ягоды, затем взялись за сомнительные растения и грибы. Заросли Дурмана и Улыбнись-травы исчезли в ненасытных утробах. Марч всё чаще встречал стайки юных зверёнышей с дебильной улыбкой, застывшей на липких мордочках. Неприятно, но неопасно.

— Эй, Марч! — раздался сиплый голос Пройдохи — пёстроного лемминга с бегающими глазками. — Семки есть?

— Хорошая шутка, бро, — уныло ответил тот. — Видишь холмик разрытой земли? Там была моя последняя кладовая. До вчерашнего дня...

— Очищенцы раскопали?

— Не знаю, Пройдоха, я тогда отрубился напрочь. Очищенцы или Морозки — какая разница? Любопытные глаза и уши за каждым камнем.

Секта Морозков проповедовала уход в вечную мерзлоту. Они усердно рыли шахты, попутно разворовывая чужие заначки. Многие Морозки уже выгрызли себе ледяные убежища, в которых собирались застыть в анабиозе в ожидании прихода Нового Лета.

— Разница есть, Марч. Замёрзнуть всегда успеем. Пошли со мной в Очищенцы записываться! За каждого новообращённого Белый Ангел по пайке сушёного лишайника выдаёт.

Марч старался сторониться Очищенцев — последователей культуры Очистительной травы. Тощие, с пожелтевшей шерстью и горящим взглядом, они шныряли повсюду, призывая вступить в их ряды и заодно

вынюхивая, не припрятал ли кто неучтённые запасы. Каждый вечер они собирались возле пещеры у обрыва послушать речи Белого Ангела и получить кучку ядовито-жёлтых цветков Очистительной травы. Это средство надёжно освобождало от тяжёлой пищи и ненужных вопросов.

— Сомневаюсь, стоит ли, Пройдоха.

— Не бойся, это просто, пару клизм вставят — и ты Очищенец. А сомневающимся еще третью — прямо в ухо. Отлично мозги промывает! Зато каждую ночь Белый Ангел провожает одного избранного Очищенца вниз, на берег изобилия. Говорят, туда ведёт тайный ход из пещеры.

Марч представил себе край обрыва, берег далеко внизу, всегда затянутый дымкой тумана, вспомнил последний кошмар... Бр-р... Но сваливать отсюда, конечно, пора...

— Может, сами ходим вниз, разведаем?

— Да кто ж тебя пустит без очереди? Там желающих хватает...

Действительно, на поляне перед пещерой было не протолкнуться. Почти всё население плоскогорья собралось на проповедь. В лапках лемминги держали мелкие голубые грибы. Очищенцы нагло пробирались поближе, тыча всем в нос свои мандаты — засохшие жёлтые соцветия. В густеющих сумерках раздавался заволашевающий голос Белого Ангела:

— ...и достигнут уверовавшие берега изобилия, где растут спелые колосья и сладкая черника, мышинный горошек и трюфели... ванильные...

Марч пихнул приятеля в бок:

— А почему он наружу не выходит? Кто-нибудь его вообще видел?

— Ночью пару раз видели... издали... силуэт... белоснежные крылья... ну точно, ангел!

«Белоснежные? А он сам жёлтую траву не ест?» — подумал Марч про себя, в то время как Пройдоха пытался рассмотреть, где же выдают пайку лишайника.

— ...возрадуйтесь же! Настал великий день — День Большого Скачка! Вы, простые лемминги, отведав Окрыляющего гриба, обретёте крылья, почти как у меня, и в едином порыве слетите с обрыва на благовонный берег! Возьмитесь же за лапы — и вперёд!..

Марч развернулся, пытаясь протиснуться назад, но увидел лишь торопливо жующие, одухотворённые морды своих соплеменников. Задние ряды, ещё не получившие голубых грибов, поднажали, и волна леммингов перехлестнула через край обрыва, зашедшись в экстатическом визге. Мохнатым ковром она ринулась вниз, к обещанным ништякам. «Единство — великая сила, — промелькнуло в голове у Марча. — Один бы я не осмелился». Лемминги, летящие на переднем крае лавины, в упоении размахивали лапками. Вот они вошли в пелену тумана, пронзили её и... размазались на острой гальке пустынного берега. Месиво из

шерсти, мяса и крови быстро росло в высоту, и Марч в числе последних упавших уцелел, плюхнувшись в самый центр холма трупов.

— Так это и есть мышиный горошек! — истерически хохотнул Марч, в шоке смотря на раскатывающиеся в стороны тела сородичей. — Но для кого?

В темноте зажглись красные глаза, ещё одни... Белые призраки с утробным потягиванием окружили место прибытия леммингов. Ощепленная пасть с тягучей каплей слюны приблизилась к Марчу...

«Это песок!» — успел подумать он.

— Хорошая работа, Сова, — довольно оскалился молодой песок. — Окрыляющий гриб, кхи-кхи-кхи... Это ж надо такое придумать...

— Молчать, псина, — она игриво шлёпнула его крылом по заду. — Какая я тебе сова? Я — Ангел. Пади ниц и виляй хвостом перед моей мудростью. А гриб — это ерунда, главное — вера.

— Как же я люблю этих милых доверчивых леммингов, — ковыряя когтем в зубах, прослезился вожак стаи. — Вот только живот уже набит, больше не помещается...

— Эх, тундра! Мои родственники в Древней Греции давно придумали рецепт — очисти желудок, и можешь обжираться снова, — и сова протянула вожаку пучок ядовито-жёлтой травы.

Федор Wuurzag

Прострел раскрытый

В жизни каждого Джеймса Бонда случаются моменты, когда всё идет наперекосяк. Ветер подул не в ту сторону, стебелёк обломился — и всё летит в тартарары, увлекая за собой надежды, чаяния и самоё жизнь.

Место вынужденной посадки оказалось слишком приметным. Не успел он скрыться в лесу, как тут как тут оказались сотни лоснящихся чёрных фигур службы безопасности — сразу понятно, не уйти. Вот он и остался на месте, задрал голову и меланхолично поглядывал в сторону так и не преодоленной, монструозных размеров, стены.

Его скрутили и оттащили под землю — в длинные тёмные коридоры, откуда нет выхода случайному незнакомцу. В комнате для допросов его уже ждали. Добрый полицейский и злой полицейский — всё как полагается. Для удобства они ещё и по цветам различались — у одного был белый, а у второго чёрный панцирь. Вместо того, чтобы зачитать права, Чёрный схватил листок с ними и с остервенением сожрал, аж зелёная слюна разлетелась по сторонам.

— Позывной?! — гаркнул второй, «добрый полицейский».

— Прострелом кличут, — он ещё храбрился, но понимал, что дело

труба.

— Фамилия?

— Не скажу.

«Злой» оглянулся на напарника. После утвердительного кивка он с лязгом сомкнул челюсти, оторвав кусок мяса. Прострел заорал.

— Фамилия? — повторил тихий голос.

Делать было нечего, отпираться глупо:

— Ветреница я.

Всё, пропал. Он поднял полные слёз глаза на мучителей, но они никак не отреагировали. Прошло бесконечно долгое мгновение, второе, но в их глазах так и не загорелся огонёк осознания. Прострел попытался пробить четвёртую стену, глянул на читающих эти строки, но тоже не встретил понимания. Правда же?

— Задание какое? — прозвучал следующий вопрос.

И тут на Прострела снизошло спокойствие. Ничего эти дурни ему сделать не смогут, пусть разорвут на мелкие волокна — а до сути не докопаются. Он дико и истерично рассмеялся в лицо своим палачам. Те удивлённо переглянулись, но теперь ситуацию в свои лапы решил взять «добрый»:

— Раскрыт ты, Прострел. И не видать Прострелу раскрытому родной лужайки. Ни-ког-да. Но... у тебя ещё есть шанс. На заднем дворе есть клочок земли, можем тебя там поселить, будешь жить себе в радость, на солнышко посматривать. Если, я повторю, если начнёшь сотрудничать. В противном случае мы тебя растерзаем. За этой дверью взвод из двух сотен отличных бойцов. У них такие жвалы, что от тебя в минуту живого места не останется.

— Или того хуже, — подхватил второй, — можем тебя Штепселю скормить. Вот будет умора!

— Кто-кто такой Штепсель? — поперхнулся Прострел. Он снова растерял всю свою решительность.

— Штепсель-то? Псина зловонная, сверху бегаёт, рвёт все, что схватить может. Вот мы-то тебя наверх поднимем и прямо ей в морду ткнём. Ох уж взбеленится, не жить тебе, Прострел.

Он часто заморгал, не веря. Нет, не может быть, чтобы счастье само шло в руки. Там, где он только что с треском провалил всё задание и был готов сдать всех и каждого, вдруг оказалось, что он всё-таки сможет его выполнить! И помогут в том его злейшие враги. Что ж, оставалось сыграть:

— Ну нет, товарищи, собаке вы меня не кинете, это лесной закон прямым текстом запрещает. А что до вашего предложения о сотрудничестве — пошли вы все в гумус!

«Добрый полицейский» аж оскалился:

— У нас тут лесной закон не действует, рожа ты фиолетовая. У нас

закрытая территория, делаем, что хотим. Так что сейчас ты увидишь, что мы можем, а что нет. Эй, охрана, к Штепселю его!

В комнату ворвалась толпа, Прострела схватили и выволокли прочь.

— Слышь, брат, — толкнул «добрый» в бок «злого полицейского», — хорошо мы этого борзого проучили! На всю недолгую жизнь запомнит. Эй, чего молчишь, спишь, что ли? Ну ты даёшь, тут такое веселье, а ты дрыхнуть собрался. Как хочешь, а я такую потеху не пропущу. — И три пары конечностей замельтешили в узких проходах муравейника.

Эпилог

Операция прошла, как было сказано в рапорте, без сучка и задоринки. Когда ворота были вскрыты, за ними обнаружилась массивная туша храпящей сторожевой собаки. Вокруг тела витал сладковатый аромат растерзанного, но безупречно выполнившего боевую задачу бойца. Больше объект никто не охранял — муравьи по ночам носа не казали из своих нор, а потому не могли видеть, как неслышные тени проникли внутрь прямоугольной постройки. Жидкость из канистр, журча, побежала по типографским станкам, картонным коробкам, рекламным плакатам «Наша Эволюция лучше оригинальной», «Пиратить — значит эволюционировать» и прочим. Чиркнула спичка, и секретный объект озарил окрестные леса весёлым и задорным пламенем.

Уходили не таясь — дело было сделано, и последним шёл командир группы. Он остановился в воротах и, достав из кармана жетон, обернулся к огню:

— Этот костёр в твою честь, Прострел, и в честь твоего самоотверженного поступка.

Прочертив изящную дугу, жетон нырнул прямиком в центр пожара и застрял в груди плавящегося пластика. В нестерпимом жару почти сразу запылали выдавленные на металле буквы: «Ветреница раскрытая (Anémone pátens). Он же Прострел раскрытый (Pulsatílla pátens). Он же Сон-трава».

Антон Greatwyvern

Утека́й

Два приятеля медленно тащились рядом, чавкая плодородной почвой. Линия горизонта терялась в зыбком полумраке. Их окутывала интригующая пустота.

— Скажи, неужели мы одни-одинёшеньки во всём мире? — задумчиво спросил Пен, смотря вдаль сквозь сплетённые сиреневые пальцы.

— А какая разница? Чё тебе неймётся? — долговязый скептик Аспер никогда не заморачивался сложными вопросами. — Тепло, сыро, еды сколько хочешь. Наслаждайся, пока...

— Пока что?

— Пока можешь, умник! — потянувшись, Аспер пыхнул чёрным облачком. Облачко медленно поднялось вверх и, словно наткнувшись на преграду, стало растекаться в стороны.

— А что там, наверху? — не унимался любознательный Пен.

— Твердь небесная, — авторитетно заявил Аспер. — Сам я ещё не проверял, но гены предков говорят одно: не лезь наверх, всё равно не пробьёшься. Только вперёд!

— Вперё-ёд! — жизнерадостно заорал Пен, но внезапно наткнулся на гладкую, прочную стену. — Ой, что это?

— Край земли! А дальше нет ни-че-го! Располагайся, отдохнём, примем по дрожжевому экстракту, — важно произнёс его опытный спутник. Он блаженно раскинул конечности, зарываясь во влажную субстанцию, и погрузился в дрему. Кисловатый ветерок шевелил его длинные бледные волосы.

«Как много он знает, — уважительно подумал Пен, — но мне этого недостаточно. Наверняка мир огромен, прекрасен и полон чудес. Надо найти ещё друзей». Он проглотил пригоршню желе и бодро направился назад, туда, где небесная твердь стала немного светлее и погромыхивали странные звуки: «а-ать...», «е-ень...». Скоро он вышел к большой, сильно вытоптанной поляне, на которой колыхались в танце прекрасные полупрозрачные фигуры с удлинённо-округлыми формами. Одна из них отделилась от группы и недоверчиво уставилась на Пена.

— Привет! Меня зовут Пен! А тебя?

— Шери, — скромно потупив взор, ответила та. Лёгким движением она затянула и так невообразимо узкую талию и закачалась. — Вообще-то это наше место. Чужие здесь не ходят. Мне и сёстрам строго запрещено контактировать с проходимцами. И почему ты сине-зелёный? Это неприлично!

Пен смущённо посмотрел на свои разросшиеся веточки, в которых пульсировала голубоватая жидкость. От обиды запершило в горле, он зажмурился... и оглушительно чихнул...

Когда он открыл глаза, невесомые сине-зелёные споры тихо лета-

ли над безжизненными скрюченными телами. «Шери! — зарыдал Пен. — Я не хотел!». В отчаянии он носился по мёртвой поляне, но всё было напрасно — он погубил всю колонию.

И тут загремел Голос...

— ...ё-моё! И это Эшерихия Коли? Ты глянь — сплошная плесень! Когда ты, наконец, научишься как следует чашки Петри мыть?!

Розовые щупальца сорвали небесную твердь, мелькнуло искажённое злобой лицо. Захватывающий полёт — и родина Пена, перевернувшись, шлёпнулась в жестяную раковину. Поток горячей воды увлёк Пеницилла и Аспергилла навстречу настоящим приключениям в прекрасном, огромном мире...

Федор Wuurzag

Аптечная трагедия периода упадка

— Экселенц, наш Цезарь отравился грибами.

— А почему у него синяки на теле?

— Есть не хотел...

Древнеримский анекдот

Здравствуй, дорогой дневничок, или, как говорится, *diarium te saluto*. Меня зовут Аманитус, я скромный служитель аптекарского огорода по-над самым берегом реки Тибр, что в Риме. Только что вернулся с *receptio y medicus*, он посоветовал бороться с меланхолией, записывая самые важные события. В благодарность дал ему грибов.

Запись первая. Сегодня, пока удобрял грядки кусочками плембса, увидел за оградой незнакомую женщину. Она сидела на скамейке и плакала. Мне стало её жаль, предложил зайти, сыграть разок в «*Evolutio*», чтобы развеяться. Женщина — оказалось, ее зовут Локустой, согласилась. Она жаловалась на жизнь и на склочную бабу Агриппину, которая хочет избавиться от своего мужа Пассиена Криспа. Я человек отзывчивый, всегда готов протянуть руку помощи. Поэтому сорвал для Локусты бледную поганку и объяснил рецепт: для максимального эффекта необходимо совместить *Amanita phalloides*, то есть саму поганку, и *stomachus*, то есть желудок пациента. Локуста слушала очень внимательно, даже записывала. Убежала довольная.

Запись вторая. Снова заглянула Локуста. Рассказывала сплетни про дворец, там, говорит, творится настоящая «Санта-Барбара»: Неро-

на, приёмного сына императора, женили на кузине Октавии, а он хотел Супёрб или хотя бы Кугу; Агриппина спит и видит, как правит от имени Нерона, потом просыпается — а император Клавдий ещё жив; сам Клавдий хочет передать власть второму сыну Британнику, а у того имя как у энциклопедии. Устав слушать, я дал Локусте бледную поганку.

Запись третья. Снова наведалься Локуста. Клавдий очень хвалил последнее в своей жизни блюдо, повелел впредь готовить только такие грибы. Оставшись без отчима, Нерон окончательно поехалус кукушкус (медицинский термин) и возжелал извести сводного брата Британника. А Локусте, доброй душе, его жалко, с таким-то имечком жить приходится в эпоху безграничного буллинга и харрасмента. Дал ей плесневой гриб и объяснил, что если смешать его с поганкой, то не смертельно и на вкус экзотично. Поиграли в «Evolutio» с дополнениями.

Запись четвёртая. Принесли Локусту. Нерон задал ей хорошую взбучку, когда узнал, что Британник отделался расстройством желудка. Делать нечего, снова дал ей бледную поганку. Чмокнула на прощание. Теперь чувствую себя счастливым, приятно быть полезным людям. Только голова отчего-то кружится. Где же плесневой гри... гrr... хrrr... ааа...

Антон Greatwyvern

Таять

Трава и Гриб сидели на поляне. Гриб был старше, а Трава ещё молода. Она спрашивала:

— А почему ты до сих пор не придумал сказку про меня?

— Видишь гриб?

— Да, вот же он, под берёзой! Укрыт травой... Вот я и не заметила сразу.

— Ты его видишь. А я тебя не вижу, а теперь ты далеко.

— Но я всегда буду далеко, ты меня больше никогда не увидишь...

— Бывает, те, кто любят, не замечают того, что у них перед глазами...

— А как они потом живут с этим?

— Как-то... жить приходится... — посмотрел Мухомор в сторону. — Как-то... тая понемногу... Но всё будет хорошо!

Василий Крузенштерн

Алиса и лес

— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своём уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом...

Льюис Кэрролл

Юная личность Алиса вприпрыжку бежала по хорошо знакомой лесной тропинке. Она только что отнесла пакет с лекарственными травами в аптечный приёмный пункт и теперь возвращалась домой, к своей бабушке-знахарке. Алиса и сама прекрасно разбиралась в растениях и умела находить с ними общий язык.

Бузина склонила над ней свои цветущие зонтики, и девочка с удовольствием затянулась их медовым ароматом. Чертополох попытался схватить её за юбку, но она быстро дунула в него невесомым облачком пушистых семян одуванчика. Куст крапивы, известный лесной социопат, вылез на середину тропинки в надежде, что кто-нибудь с ним столкнётся, но Алиса ловко отстранила его большим листом лопуха. Бли-ин... несколько репейников всё-таки вцепилось в её длинные рыжие волосы. Пришлось присесть на солнечном пригорке, чтобы вытащить навязчивые колючки. Припекало... Алиса почувствовала жажду. Хоть бы дождик прошёл! Вдруг воспалёнными от пыльцы амброзии глазами она заметила невиданное растение. Среди ярко-зелёных листьев красовались огромные воронки белых цветков. Алиса подошла и увидела, что на дне их чашечек скопилось немало росы. Бережно наклонив цветок, она пригубила драгоценную влагу. Нектар! Миг блаженства...

Освежённая и бодрая, Алиса вскочила, прыгнула на тропинку и... бац!.. врезалась лбом в ствол могучей ёлки. Знакомой тропинки больше не было, и вокруг простирался зловецкий незнакомый лес. Голова слегка кружилась. Алиса осторожно оглянулась, внезапно почуяв потный звериный запах. Кусты слева от неё зашевелились и тихо завывали. «Волк!» — ледяная волна адреналина крупными мурашками прокатилась по коже девочки, и она рванула напролом в противоположную сторону. Причудливые силуэты мелькали вокруг, как в калейдоскопе. Выбившись из сил, Алиса рухнула ничком, закрыв руками голову. И тут её объял настоящий ужас — на ней больше не было платка с узором из длинных пальчатых листьев, который подарила ей бабушка. Она живо представила себе старую ведьму, грозящую мозолистым кулаком, и её скрипучий голос: «Опять ходишь распущенная!» М-да, пожалуй, волк менее опасен...

— Где бы раздобыть шляпку? — рассеянно подумала вслух Алиса.

В левом ухе что-то зазвенело, из него вылетела божья коровка размером с дуршлаг и подвисла в воздухе.

— З-здесь шляпок з-завализ-зь, — выдало насекомое.

— А ты точно божья? — неуверенно спросила девочка. — Почему у тебя пятна не чёрные, а белые? И размеры... кхм... можно, я тебя надену?

— Бож-жья, бож-жья... Одноногий Дж-жа его зовут. Найдёшь его — и исполнишь ж-желание, — коровка взмыла вверх и погналась за косяком пролетающих журавлей.

Алиса осмотрелась — что за диво? Она сидела в центре круга из гигантских грибов. Ядрёный сырный запах пропитал всё вокруг. Это ж сколько кило можно заготовить! У неё потекли слюнки. Вот только съедобные ли они? Этот, вроде, похож на лисичку. Алиса подошла к нему и вежливо обратилась:

— Уважаемая Лисичка, не одолжите ли вы мне шляпку?

— Конечно, дитя, — гриб оскалился в дружелюбной усмешке и нахлобучил ей по самые брови мягкую беретку, украшенную ягодами. Алиса взялась за края, чтобы поправить головной убор, и ощутила, как по руке поползли жучки-стафилины, а из прорех между пластинками стали падать личинки.

— Что за дела? — возмутилась она, — лисички же не бывают червивыми!

— Потому что я — Ложная!!! — безумно расхохоталась та, дико вращая глазами.

Алиса в панике потянула шляпку вверх... и та оторвалась вместе с головой! Шее стало так щекотно, что девочка захихикала, всплеснула руками и выронила свою ценную ношу. Шаря вслепую по мху, она вдруг ощутила на плече чьи-то твёрдые пальцы.

— Никогда не теряй головы, — укоризненно произнёс Бамбук.

— Но она у меня не держится!

— На, вставь палочку.

Алиса приняла протянутую им гладкую коленчатую трубку.

— Вставила? — спросил Бамбук.

— Ещё как! — радостно ответила она. — Это ты — Одноногий Джа?

— Нет, я лишь ученик его, набравшийся Великой Пустоты. Видишь, слева растёт Пассифлора, а справа — Аманита? Следуй между ними срединным путём, и тогда найдёшь Джа.

Алиса двинулась. На срединном пути она не была одинока — огромные мухи, осы и бабочки, трепетно порхая, приближались к Одноногому, облизывали его красную шляпку и падали вниз в полной нирване. Их бесчувственные тушки быстро растаскивали жужелицы, землеройки и прозрачные муравьеды.

Она подошла ближе. Джа, полузакрыв глаза, медленно покачивался под ритмы странной музыки, и белые пятнышки на его шляпке, каза-

лось, излучали сияние.

— Какое твоё желание? — телепатически спросил он.

— Хочу почувствовать желание, — выпалила Алиса, не задумываясь. «Или исполнить? — промелькнула запоздалая мысль. — Что-то я перепутала».

Одноногий чуть тряхнул своим потрёпанным ожерельем, и в подставленные ладошки просыпалось немного белого порошка спор. Алиса вдохнула, и ей овладело неистовое желание летать. Она сбросила обувь, встала босой ступнёй на прохладную землю, поджала вторую ногу и расправила крылья. Волосы золотистой волной заплескались вокруг её белоснежного тела. Джа аккуратно возложил на неё красную шляпку.

— Я девушка-мухомор! Я Красная Шапочка! Я лечу-у-у! — Алиса медленно поднялась в воздух; от невесомости приятно защекотало в животе, грудь переполняло чувство абсолютной свободы. Сколько длился экстаз — мгновение или вечность? Алиса летела, и ветви деревьев расступались перед ней, лишь слегка поглаживая мягкими листьями. Наконец, она спланировала на раскидистый папоротник, рядом с большой синей гусеницей.

— Неплохое путешествие, — выдохнула Красная Шапочка, — однако, я по-прежнему крошечного роста. — О, Бражник Абсолюта, — обратилась она к соседу, — не сможешь ли мне осуществить ещё одно желание?

— Формулируй, — бесстрастно ответила гусеница.

— Хочу стать большого размера...

— Дафна Мезереум, — произнёс Бражник и стал закутываться в клейкую паутинку.

— Что такое «дафна мезереум»? — Алиса была не сильна в латыни. Рядом раздался шёпот стройного кустарника:

— Дафна — это я. На, съешь три ягодки, — и он протянул прозрачно-алое соплодие.

Алиса с удовольствием проглотила угощение и спросила:

— И быстро подействует? Надёжное средство?

— Бесповоротное!

— А другое имя у тебя есть?

— А как же. Волчегородник я, — прошелестел куст и зашёлся издевательским смехом, стремительно уменьшаясь в размерах.

Нет, это Красная Шапочка стала увеличиваться! Плечи вздулись бугристыми мышцами, лапы стремительно покрывались серой шерстью, язык высунулся между клыков, все чувства обострились до предела.

— Помогите! — заорала она, но лесное эхо отразило только заунывный вой. Смесь тысячи запахов обрушилась на её волчий нос, и один аромат привел её в бешенство — человеческий! Она побежала, приносива-

яся к эфемерному следу, вот он всё ближе... ближе... и Красная Шапочка вцепилась когтями в потерянный кем-то платок с лиственным узором. Запах ведьмы! Она огромными прыжками понеслась по тропе к одиночному домику, возле которого старушка развешивала пучки травы. Капая слюной, волчица взмыла в последнем убийственном броске... и вдруг липкая пелена закрыла собой весь обзор...

Алиса с усилием оторвала лицо от белой воронки цветка. Во рту остался приторный привкус нектара, а пить хотелось ещё больше. На лбу явственно проступала шишка. Она подобрала цветок, сорвала ярко-зелёный лист и шипастую коробочку и поспешила домой, так как уже давно наступили сумерки, и ей очень хотелось заглянуть в ботанический атлас.

Федор Wuurzag

Улыбнись-трава

Улыбнись шёл по полю, насвистывал любимые мелодии, иногда делая пит-стопы, чтобы поиграть с полевыми мышками. Погода была прекрасной, солнце играло с облаками в прятки, небо пыталось уязвить своей голубизной самое голубое море. Море обиделось от такого сравнения и пустило волны на пляж, отчего туристы немного обиделись. Улыбнись шёл и улыбался.

Тут его окликнул человек. Это был пожилой смуглый ямаец, мужичок с дредами до пят, очень похожий на Геру Моралеса.

— Что ж ты делаешь, что ж ты творишь?! — кричал мужик.

— Что случилось?.. — растерянно спросил Улыбнись.

— Ты топчешь траву! Так нельзя! Это же поле!

Улыбнись растерянно оглянулся и понял, что он действительно по рассеянности загубил уже несколько кустиков.

— Ты кто такой, что такое безобразие себе позволяешь? — крикнул старик с дредами.

Улыбнись растерялся и ответил:

— Я Улыбнись... извините... я нечаянно... задумался...

— Ты Улыбнись? — спросил растерянно старик и нервно начал играть кончиком одного дреда.

— Да, — смущённо признался Улыбнись.

Тут и сел старик.

Спустя полгода, когда у Улыбнись сломалась печурка, и ему было холодно в доме, он вызвал печника. Приехал пожилой ямаец с дредами до пят. Увидав Улыбнись, он его сразу узнал.

— Не беспокойтесь, Улыбнись, сейчас всё сделаем, печка будет работать лучше, чем раньше, тянуть будет как надо, так что вы будете работать в тепле и уюте, чтобы как можно больше людей в мире улыбались! Я свою работу знаю!

Василий Крузенштерн

Море Волнуется «раз»

Море волнами играло с галькой. Дарья сидела на берегу и бросала камушки в море. Сильные волны шумели, поэтому на пристани громко разговаривали люди, что покупали какие-то позолоченные сувениры для холодильников. Она решила и без прелюдий вошла в море. Море сразу предательски окатило её волной. Дарья плыла за буйки. Море шептало: «Возвращайся назад!»

Дарья поняла, что заплывла далеко, а сил осталось мало. Тут кто-то подхватил её рукой.

— Держись за меня, — сказал незнакомец, и они поплыли в сторону берега. — Вот тебе моя рука. Держись за неё!

Они сидели на берегу, греясь на солнце, которое подмигивало им, но они были не одни. Рядом сидели люди, ели кукурузу, арбузы.

— Почему ты заплываешь так далеко? — спросил незнакомец.

— Хотела проверить свои силы, — ответила шёпотом Дарья, подставляя лицо к солнцу и греясь.

— Я тоже... Значит, мы проверили.

Солнце опять ей подмигнуло.

— Вот тебе мои ключи, я живу в ближайшем отеле. Переоденешься в сухое. Номер 22. Я пока подожду здесь на берегу.

— Спасибо, а то мой отель далеко.

Даша ушла, обернувшись полотенцем и взяв ключи. Незнакомец остался сидеть на пляже и бросал камушки в море.

Зайдя в номер, она увидела на столике настольную игру «Эволюция. Трава и грибы».

После душа она выбежала, переодевшись, на пляж к незнакомцу. Протянула ключи и сказала:

— Мне кажется, что мы играем в ПРАВИЛЬНЫЕ ИГРЫ!

Василий Крузенштерн

СКАЗАНИЯ О ТРАВЕ И ГРИБАХ

Часть 2

18+